

ФРАНС
ДЕ ВААЛЪ
НАША
ВНУТРЕННЯЯ
ОБЕЗЬЯНА

двойственная
природа человека

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Франс де Вааль

**Наша внутренняя обезьяна.
Двойственная природа человека**

«Альпина Диджитал»

2005

УДК 572
ББК 28.71

де Вааль Ф.

Наша внутренняя обезьяна. Двойственная природа человека /
Ф. де Вааль — «Альпина Диджитал», 2005

ISBN 978-5-00-139490-7

Книга одного из известнейших приматологов мира Франса де Вааля посвящена эволюционным истокам человеческой природы, ее двойственности и биологическим корням. Де Вааль рассматривает четыре ключевые стороны нашей природы – стремление к власти, потребность в сексе, склонность к актам насилия и проявлениям доброты – и на основании многолетних наблюдений за человекообразными обезьянами доказывает, что все это в полной мере характерно и для них. В своей работе он приводит аргументы в пользу представления о человеке как о социальном животном, «биполярной обезьяне», равно похожей на агрессивных, склонных к конкуренции шимпанзе и эмпатичных гедонистов-бонобо. Не игнорируя низменные стороны человеческой природы, де Вааль уделяет особое внимание ее положительным, нравственным проявлениям и тому, как две эти стороны сочетаются и дополняют друг друга, будучи одинаково важными для эволюции нашего вида и для выживания цивилизации в целом.

УДК 572
ББК 28.71

ISBN 978-5-00-139490-7

© де Вааль Ф., 2005
© Альпина Диджитал, 2005

Содержание

Благодарности	7
1	8
Двуликий Янус человеческой природы	10
Что в имени?	13
Маменькины сынки	16
Тонкий налет цивилизации	22
Наш дьявольский лик	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Франс де Вааль

Наша внутренняя обезьяна.

Двойственная природа человека

Переводчик *Анна Олефир*

Редактор *Валентина Бологова, канд. биол. наук*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Миловидова, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

Фото иллюстрации на обложке Getty Images

В книге использованы фотографии автора

© Frans de Waal, 2005

Photographs courtesy of Frans de Waal

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Моей любимой Катрин

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зимина» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зимин – основатель компании

«Вымпелком» (Veeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Благодарности

Своим появлением на свет эта книга обязана такому количеству приматов, как принадлежащих, так и не принадлежащих к роду людскому, что просто невозможно поблагодарить всех. Основная идея родилась из беседы с Дугом Абрамсом. В то время я размышлял над тем, как приложить мой опыт работы с приматами, которыми я занимался всю жизнь, к человеческому поведению, а Дуг полагал, что бонобо заслуживают куда большего внимания, чем получали до сих пор. Вместе взятые, эти две идеи и привели к появлению книги, в которой напрямую сравнивается поведение людей, шимпанзе и бонобо. «Наша внутренняя обезьяна» в значительно большей степени, чем мои предыдущие книги, рассматривает место нашего вида в природе.

Я высоко ценю замечания, комментарии и предложения по поводу этого текста, полученные от редактора издательства Riverhead Джейка Моррисси, а также Дуга Абрамса, Венди Карлтон и моей жены Катрин Марин. Выражаю благодарность моему агенту Мишель Тесслер за то, что эта книга попала в такие хорошие руки.

В начале моей карьеры в Нидерландах я имел счастье пользоваться поддержкой своего научного руководителя, Яна ван Хоффа, и его брата – директора зоопарка Бюргерса в Арнеме, Антона ван Хоффа. Я благодарен Роберту Гою, перетянувшему меня на эту сторону Атлантики. В Соединенных Штатах со мной работало так много сотрудников, лаборантов и студентов, что не буду называть их поименно, но я всем им очень обязан за помощь в исследованиях и открытии новых направлений в изысканиях. Наконец, я выражаю благодарность Александру Арриба, Мариетте Диндо, Майклу Хэммонду, Милтону Хэррису, Эрнсту Майру, Тосисаде Нисиде и Эми Пэриш за всевозможную помощь, а также Катрин за ее любовь и поддержку.

1

Наше обезьянье семейство

Можно вытащить обезьяну из джунглей, но джунгли из обезьяны – никогда.

Это относится и к нам, двуногим обезьянам. С тех пор как наши предки жили на деревьях, перепрыгивая с ветки на ветку, нас непреодолимо тянет к существованию в небольших группах. Нам не приедаются бьющие себя в грудь политиканы, звезды мыльных опер, заводящие одну любовную интрижку за другой, нам нравятся реалити-шоу, в которых участники или вылетают из проекта, или проходят в следующий тур. Можно было бы просто посмеяться над всем этим обезьяньим поведением, если бы не тот факт, что наши родственники-обезьяны относятся к борьбе за власть и секс так же серьезно, как и мы.

Однако у нас с ними гораздо больше общего, чем стремление к власти и сексу. Чувство общности и способность к сопереживанию, то есть эмпатия, в равной степени важны, но о них редко упоминают как о части нашего биологического наследия. Мы с куда большей готовностью виним природу за те черты, которые нам в самих себе не нравятся, чем благодарим за те, которые ценим и уважаем. Вспомним известное высказывание Кэтрин Хепбёрн в фильме «Африканская королева»: «Природа, мистер Олнат, – это то, над чем мы должны в этом мире возвыситься».

Такое представление во многом сохраняется у нас до сих пор. Среди миллионов страниц, написанных о человеческой природе за столетия, нет ничего более унылого – и ошибочного, – чем утверждения последних трех десятилетий. Мы слышим, что наши гены эгоистичны, что человеческая добродетель не более чем притворство и что мы поступаем нравственно только для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Но если люди заботятся лишь о собственном благе, то почему младенец, проживший на свете всего один день, плачет, слыша плач другого ребенка? С этого и начинается эмпатия. Возможно, этот пример не слишком мудрый, зато мы можем быть уверены, что новорожденный уж точно не пытается ни на кого произвести впечатление. Нам от рождения присущи побуждения, влекущие нас к другим существам и впоследствии заставляющие привязываться к ним и заботиться о них.

Свидетельством древности этих побуждений является поведение наших родственников-приматов. Поистине удивительны бонобо, малоизвестный вид обезьян, столь же близкий нам генетически, как и шимпанзе. Когда Куни, самка бонобо из зоопарка Твикросс в Великобритании, увидела, что о стеклянную стену ее вольера ударился скворец, она подошла помочь ему. Подобрав оглушенную птицу, Куни осторожно попыталась поставить ее на ноги. Скворец не пошевелился, и она легонько его подбросила, но бедняга едва трепыхал крыльями. Тогда, с птицей в руке, Куни залезла на верхушку самого высокого дерева и обхватила ствол ногами, высвобождая руки, чтобы держать скворца. Она осторожно расправила ему крылья, взявшись за их кончики обеими руками, и только потом направила птицу, словно маленький игрушечный самолетик, в сторону стенки вольера. Но бедняге не хватило пространства, и он приземлился на краю рва. Куни спустилась и долго стояла, наблюдая за скворцом и защищая его от любопытного обезьяньего детеныша. К концу дня оправившаяся птица благополучно улетела.

То, как Куни обращалась с этим скворцом, разительно отличалось от того, что она сделала бы, помогая другой обезьяне. Она не следовала какому-либо жестко запрограммированному паттерну поведения, но, оказывая помощь, подстроила свои действия к конкретной ситуации животного, совершенно не похожего на нее саму. Должно быть, птицы, пролетающие мимо вольера, навели ее на мысль, какая помощь нужна в этом случае. О такой разновидности эмпатии у животных практически нет информации, поскольку она основывается на способности представить себе жизненную ситуацию другого существа. Адам Смит, основоположник

экономической теории, вероятно, имел в виду поступки, подобные действиям Куни (совершаемые, правда, не обезьяной), когда более двух веков назад предложил нам самое долгоживущее определение соперничества как «способность переноситься воображением на место страдающего»¹.

Возможность того, что эмпатия является частью нашего обезьяньего наследия, должна была бы нас обрадовать, однако не в наших привычках признавать и принимать все стороны собственной природы. Когда люди совершают геноцид, мы называем их «животными» или «зверями». Но когда кто-то помогает бедным, мы восхваляем его за «гуманность». Нам нравится приписывать второй из этих видов поведения только самим себе. Пока однажды человекообразная обезьяна не спасла представителя нашего вида, общественное сознание не допускало возможности существования гуманности у кого-либо помимо людей. Это произошло 16 августа 1996 г.: восьмилетняя самка гориллы по имени Бинти Джуа помогла трехлетнему мальчику, упавшему с высоты более 5 м в обезьяний вольер в Чикагском зоопарке Брукфилда. Бинти среагировала моментально – подобрала малыша и отнесла его в безопасное место. Она уселась на бревно возле ручья, держа ребенка на коленях, несколько раз ласково погладила его и отдала зрителям зоопарка. Этот простой акт сочувствия, заснятый на видео и разошедшийся по всему миру, тронул сердца многих людей, а Бинти прославили как героиню. Впервые в истории США обезьяна фигурировала в речах ведущих политиков, сделавших из нее образцовый пример сострадания.

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997.

Двуликий Янус человеческой природы

Тот факт, что поведение Бинти вызвало такое удивление у людей, многое говорит о том, как животные обычно изображаются в средствах массовой информации. На самом деле она не совершила ничего из ряда вон выходящего – или, по крайней мере, ничего, что человекообразная обезьяна не сделала бы для любого детеныша собственного вида. В то время как в современных документальных фильмах о природе центральное место занимают свирепые и кровожадные твари (или отважные мужчины, повергающие их наземь), я считаю жизненно необходимым рассказать об истинной глубине и многообразии нашей связи с природой. Эта книга исследует восхитительные и пугающие параллели между поведением приматов и нашим собственным, уделяя равное внимание хорошему, плохому и отталкивающему.

Нам выпала счастливая возможность изучать двух близких родственников-приматов, причем различающихся как ночь и день. Одни – угрюмые и грубые на вид амбициозные типы, плохо контролирующие агрессию. Другие – эгалитаристы и любители беззаботной жизни. Все без исключения слышали о шимпанзе, они известны науке с XVII в. Их иерархическое и жестокое, вплоть до убийств, поведение породило распространенное в обществе представление о людях как «обезьянах-убийцах». Некоторые ученые говорят, что таково наше биологическое предназначение: захватывать власть, подавляя других, и вести непрерывные войны. Я был свидетелем достаточного количества кровавых стычек среди шимпанзе, чтобы согласиться с тем, что у них есть склонность к жестокости. Но мы не должны игнорировать других наших ближайших родственников – бонобо, открытых только в прошлом веке. Бонобо – орава беспечных весельчаков со здоровым сексуальным аппетитом. Миролюбивые по натуре, они опровергают представление о том, что наша эволюционная ветвь сплошь кровожадные убийцы.

Не что иное, как эмпатия, позволяет бонобо понимать нужды и желания других и помогать их удовлетворять. Когда двухлетняя дочь самки бонобо Линды захныкала перед матерью, надув губы, она демонстрировала свое желание, чтобы ее покормили грудным молоком. Но эта малышка росла в детском отделении зоопарка и была возвращена в группу уже после того, как у Линды закончилось молоко. Однако мать поняла ее и направилась к фонтанчику, чтобы набрать в рот воды. Потом она села перед дочерью и сложила губы трубочкой, чтобы малышка могла из них пить. Линда повторила свой поход к фонтанчику три раза, пока дочь не осталась довольна.

Мы восхищаемся таким поведением – и само по себе оно является примером эмпатии. Но та же самая способность понимать других делает возможным и умышленное причинение им вреда и боли. И сочувствие, и жестокость базируются на способности индивида представлять, как его собственное поведение влияет на других. Животные с небольшим мозгом, такие как акулы, без сомнения, могут вредить и причинять боль другим, но они делают это без малейшего понятия о том, что те могут чувствовать. А мозг человекообразных обезьян по размеру составляет треть от нашего, что делает его достаточно сложным для проявления жестокости со стороны его обладателей. Так же как мальчишки бросают камни в уток в пруду, человекообразные обезьяны иногда причиняют боль ради забавы. В одной игре лабораторные шимпанзе-подростки подманивали хлебными крошками кур, бродящих за забором. Каждый раз, когда доверчивые куры подходили, шимпанзе били их палкой или тыкали острым куском проволоки. Эту танталову игру – а куры оказались настолько глупы, чтобы ее продолжать (хотя для них это уж точно не было игрой), – шимпанзе придумали просто от скуки. Они отточили ее до такого уровня, что один приманивал кур, а другой бил.

Крупные высшие обезьяны (по-английски *apes*) настолько похожи на нас, что их так и называют «човекообразные». У нас, людей, есть два близких нам родственных вида с поразительно разным устройством сообществ, и это чрезвычайно познавательно и поучительно.

Жадный до власти, свирепый шимпанзе является полной противоположностью миролюбивому эротоману-бонобо – это своего рода доктор Джекилл и мистер Хайд обезьяньего мира. Наша собственная натура – непростой и шаткий альянс этих двух сторон. К сожалению, темная сторона в нас слишком очевидна. Согласно подсчетам, только в XX в. 160 млн человек погибли в результате войн, геноцида и политических репрессий – и все это из-за человеческой способности к жестокости. Еще более ужасающими, чем эти невероятные числа, являются индивидуальные проявления человеческой жестокости, такие как чудовищное происшествие 1998 г. в небольшом тexasском городке, когда трое белых мужчин предложили 49-летнему чернокожему мужчине подвезти его до дома. Но вместо этого они увезли его на пустырь и избили, а затем привязали к своему грузовику и протащили несколько километров по асфальтовой дороге, оторвав при этом голову и правую руку.

Мы способны на такую дикость вопреки – или, возможно, именно *вследствие* – нашей способности представлять, что чувствуют другие. И в то же время, когда эта способность сочетается с позитивным отношением к людям, она побуждает нас посылать продукты голодающим, героически спасать абсолютно незнакомых людей (например, во время землетрясений и пожаров), плакать, когда кто-то рассказывает печальную историю, или присоединиться к поисковой партии, если пропадает соседский ребенок. Обладая обеими этими сторонами, жестокой и сострадательной, мы уподобляемся двуликому Янусу: два наших лица смотрят в противоположные стороны. Это может настолько запутывать и обескураживать, что порой мы слишком упрощенно представляем, кто мы такие, объявляя себя «венцом творения» или воображая единственными истинными злодеями.

Почему бы не признать, что мы являемся и теми и другими? Эти два аспекта нашего вида соответствуют качествам наших ближайших ныне живущих родственников-обезьян. Шимпанзе так хорошо демонстрируют жестокую сторону человеческой природы, что очень немногие ученые вообще пишут об их противоположной стороне. Но при этом мы крайне социальные существа, доверяющие друг другу и действительно нуждающиеся во взаимодействии с другими людьми, чтобы вести здоровую и счастливую жизнь. Самое суровое, после смерти, наказание для нас – одиночное заключение. Наши тела и умы не созданы для жизни в одиночестве. В отсутствие человеческого общества мы становимся безнадежно подавленными, наше здоровье ухудшается. В одном из недавних медицинских исследований здоровые добровольцы, подвергавшиеся воздействию холода и заражению вирусами гриппа, быстрее заболевали, если рядом с ними было меньше друзей и родных.

Эта необходимость во взаимосвязях женщинам понятна от природы. У млекопитающих родительскую заботу невозможно отделить от выкармливания молоком. На протяжении 180 млн лет эволюции млекопитающих самки, удовлетворявшие потребности своих детенышей, производили больше потомства, чем равнодушные и отстраненные. Нас, произошедших от длинной череды матерей, которые нянчили, кормили, мыли, носили, успокаивали и защищали своих детей, не должны удивлять гендерные различия в человеческой эмпатии. Они появляются задолго до социализации: первый признак эмпатии – когда младенец плачет, услышав плач другого ребенка, – более типичен для девочек, чем для мальчиков. И в дальнейшей жизни эмпатия остается более развитой у женщин, чем у мужчин. Нельзя сказать, что у мужчин эмпатии нет совсем или что они не нуждаются в связях с другими людьми, но они больше обращаются за этим к женщинам, чем к мужчинам. Длительные отношения с женщиной, такие как брак, – это наиболее эффективный способ для мужчины прибавить несколько лет к собственной жизни. Обратную сторону этой картины представляет аутизм – нарушение эмпатии, не дающее устанавливать связи с другими людьми, – и он в четыре раза чаще встречается у мужчин, чем у женщин.

Эмпаты-бонобо регулярно ставят себя на место других. В Центре лингвистических исследований Университета штата Джорджия в Атланте бонобо по имени Канзи научили

общаться с людьми. Он стал знаменитостью, прославившись потрясающим пониманием устного английского языка. Осознавая, что некоторые из его собратьев-обезьян не обладают таким же навыком, Канзи при случае выступает в роли учителя. Однажды он сидел рядом со своей младшей сестрой Тамули, минимально знакомой с человеческой речью, когда приматолог Сью Сэвидж-Рамбо пыталась заставить Тамули ответить на простые устные просьбы; необученная бонобо на них не реагировала. Исследовательница обращалась к Тамули, но претворять смысл слов в действия начал Канзи. Когда Тамули попросили почесать Канзи, он взял руку сестры и положил себе на шею, зажав ее между подбородком и грудью. В этой позе Канзи уставился в глаза Тамули (по интерпретации людей – вопросительно). Когда Канзи повторил этот жест, юная самка продолжала держать пальцы у него на груди, как будто недоумевая, что же ей делать.

Канзи превосходно различает, когда команды адресованы ему, а когда – другим. Он не собирався выполнять команду, предназначенную Тамули, а на самом деле пытался заставить ее понять, чего от нее хотят. Способность Канзи почувствовать, что сестра не понимает команды, и доброжелательность при ее обучении предполагают такой уровень эмпатии, какой можно найти, насколько нам известно, только у людей и человекообразных обезьян.

Что в имени?

В 1978 г. я впервые увидел бонобо вблизи в голландском зоопарке. Табличка на клетке определяла их как «карликовых шимпанзе» – подразумевалось, что они лишь уменьшенная версия своих более известных кузенов. Но ничто не может быть дальше от истины.

По физическим параметрам бонобо отличается от шимпанзе, как «Конкорд» от «Боинга-747». Даже шимпанзе вынуждены были бы признать, что у бонобо в облике больше стиля. Тело бонобо грациозно и элегантно, у него изящные руки пианиста и относительно небольшая голова. Лицо у бонобо более плоское и открытое, лоб выше, чем у шимпанзе. Само лицо черное, губы розовые, уши маленькие, а ноздри широкие. У самок есть груди – не настолько выдающиеся, как у представительниц нашего вида, но определенно первого размера, в отличие от плоскогрудых шимпанзе. И завершает облик фирменная прическа бонобо: длинные черные волосы, аккуратно разделенные посередине пробором.

Самое значительное отличие между этими двумя видами – в пропорциях тела. У шимпанзе большие головы, толстые шеи и широкие плечи; они выглядят так, словно каждый день качаются в тренажерном зале. У бонобо внешность более интеллигентная: верхняя часть тела изящная, плечи узкие, шеи тонкие. Большая часть веса тела приходится на ноги, которые у них длиннее, чем у шимпанзе. В результате, когда те и другие ходят на четырех конечностях, опираясь на костяшки пальцев рук, у шимпанзе спина от мощных плеч уходит наклонно вниз, а у бонобо располагается практически горизонтально из-за удлиненных бедер. Когда бонобо стоит или идет в вертикальном положении, то, видимо, выпрямляет спину больше, чем шимпанзе, и из-за этого приобретает осанку, жутковато напоминающую человеческую. По этой причине бонобо сравнивают с «Люси» – нашим предком-австралопитеком.

Бонобо – одно из последних крупных млекопитающих, обнаруженных наукой. Открытие произошло в 1929 г., но не в обычной африканской среде обитания с ее буйной растительностью, а в колониальном музее² в городе Тервюрен (Бельгия), после внимательного осмотра небольшого черепа, который, как ранее считалось, принадлежал шимпанзе-подростку. Однако у неполовозрелых животных швы между костями черепа должны быть несросшимися – а у этого черепа они срослись. Придя к выводу, что череп, по-видимому, принадлежал взрослому шимпанзе с необычно маленькой головой, немецкий анатом Эрнст Шварц объявил, что нашел новый подвид. Вскоре анатомические различия посчитали достаточно значительными, чтобы повысить статус бонобо до совершенно нового вида: *Pan paniscus*.

Некий биолог, учившийся у Эрнста Шварца в Берлине, рассказал, что коллеги все время подшучивали над его учителем. Шварц не только заявил о существовании двух видов шимпанзе, но также утверждал, что существует три вида слонов, а всем тогда было известно, что первых – всего один вид, а вторых – только два. Обычно про «того самого Шварца» шутили, что он знает «все и еще немного». Как впоследствии оказалось, Шварц был прав. Недавно подтвердилось, что африканский лесной слон является отдельным видом, а Шварц теперь считается официальным первооткрывателем бонобо – за такую честь зоологи умереть готовы.

Родовое название бонобо, *Pan*, происходит от имени древнегреческого лесного бога с человеческим торсом и козлиными ногами, ушами и рогами. Игриво-сладострастный, Пан любит резвиться с нимфами, играя на пастушеской флейте (флейте Пана). Шимпанзе принадлежит к тому же роду. Видовое название бонобо *paniscus* означает «карликовый», «миниатюрный», в то время как видовое название шимпанзе – *troglydytes*, «пещерный житель». То есть бонобо назван мелким козлоногим божком, а шимпанзе – пещерным козлоногим божком. Вот уж поистине курьезные эпитеты.

² Ныне Королевский музей Центральной Африки. – Прим. ред.

Слово «бонобо», вероятно, происходит от неправильно написанного на грузовом ящике названия «Болобо» – города на реке Конго (хотя я также слышал, что «бонобо» значит «предок» на одном из вымерших языков банту). В любом случае слово звучит задорно и радостно, что прекрасно соответствует натуре этого животного. Приматологи в шутку используют его как глагол в высказываниях типа «пойдем сегодня побонобимся», смысл которых скоро станет ясен. Французы называют бонобо «шимпанзе с Левого берега» – что вызывает в уме образы богемной жизни, – поскольку они живут на южном берегу текущей на запад реки Конго. Эта могучая, местами до десяти миль шириной, река надежно отделяет бонобо от популяций шимпанзе и горилл на севере. Несмотря на предыдущее название «карликовые шимпанзе», бонобо ненамного мельче шимпанзе. В среднем взрослый самец бонобо весит около 45 кг, а самка – 35 кг.

Что больше всего поразило меня при наблюдении за первыми в моей жизни бонобо, так это то, какими они казались чуткими и восприимчивыми. Также я обнаружил у них некоторые привычки, меня шокировавшие. Я стал свидетелем небольшой ссоры из-за картонной коробки, в процессе которой самец и самка бегали вокруг нее и колотили друг друга кулаками, пока внезапно драка не закончилась – и вот они уже занимаются любовью! Я-то изучал шимпанзе, которые никогда так легко не переключались с драки на секс. Тогда я подумал, что такое поведение этих бонобо – аномалия или что я пропустил нечто, объясняющее столь внезапную смену настроения. Но оказалось, что подобные повадки абсолютно нормальны для этих «приматов-камасуристов».

Однако об этом я узнал гораздо позже, после того как начал работать с бонобо в зоопарке Сан-Диего. Информация о диких бонобо в течение многих лет потихоньку просачивалась из Африки, что расширяло наши знания об этих загадочных родственниках человека. Бонобо – уроженцы относительно небольшой области, величиной примерно с Англию, в Демократической республике Конго (бывшем Заире), где они обитают в густых дождевых, часто заболоченных, лесах бассейна реки Конго. Когда бонобо выходят на прогалину, где полевые исследователи оставляют сахарный тростник, первыми появляются самцы. Они спешат набрать полные горсти стеблей, чтобы захватить свою долю, прежде чем явятся самки. Когда те приходят, их появление сопровождается бурным сексом всех со всеми и неизбежно заканчивается присвоением лучшей пищи старшими матриархами. То же самое верно и для групп бонобо, живущих в зоопарках, которыми я занимался: ими неизменно управляет старшая самка. Это удивительно, учитывая, что самцы и самки бонобо различаются по размерам примерно так же, как люди, и средний вес самки составляет всего 85 % от среднего веса самца. Кроме того, у самцов бонобо есть острые клыки, а у самок – нет.

Так как же самкам удается удерживать власть? Ответ – солидарность. Возьмем, например, Вернона, самца бонобо из зоопарка Сан-Диего: он правил небольшой группой, в которой была всего одна самка, Лоретта, его подружка во всех смыслах. Это был единственный раз, когда я видел, чтобы группой бонобо управлял самец. В то время я считал, что это нормально – в конце концов, доминирование самцов свойственно для большинства млекопитающих. Но Лоретта была относительно юной и притом единственной самкой. Как только к группе добавили вторую, баланс сил сместился.

Первое, что сделали при встрече Лоретта и вторая самка, – занялись сексом. Такой контакт специалисты называют генитально-генитальным (или ГГ-) трением, но я также слышал куда более колоритное название: «хока-хока». Одна самка обхватила другую руками и ногами – так детеныш бонобо цепляется за материнское брюхо. Оставаясь лицом к лицу, они прижались друг к другу вульвами и клиторами и принялись тереться в быстром ритме. На лицах самок расцвели широкие ухмылки, и они громко вскрикивали, оставляя мало возможностей для сомнений, известно ли человекообразным обезьянам сексуальное наслаждение.

Секс между Лореттой и ее новой подружкой становился все более частым, что ознаменовало окончание власти Вернона. Несколько месяцев спустя обычной картиной во время кормления стали самки, занимающиеся сексом, а потом вместе забирающие всю еду. Единственным способом для Вернона получить хоть какую-то пищу стали мольбы с протянутой рукой. Это также типично и для диких бонобо, где самки контролируют пищевые ресурсы.

По сравнению с шимпанзе, ориентированными на доминирование самцов, любвеобильные и мирные бонобо, среди которых главенствуют самки, позволяют взглянуть на предков человека под новым углом. Поведение бонобо едва ли соответствует широко распространенному образу наших праородителей как бородатых пещерных людей, волокущих своих женщин за волосы. Не то чтобы все было обязательно по-другому, но полезно прояснить, что мы на самом деле знаем об их образе жизни, а чего не знаем. Поведение не сохраняется в окаменелостях. Вот почему гипотезы о доисторическом периоде человечества зачастую основываются на том, что нам известно о других приматах. Их поведение очерчивает спектр возможного для наших предков поведения. И чем больше мы узнаем о бонобо, тем шире становится этот спектр.

Маменькины сынки

Не так давно я провел обычный день в зоопарке Сан-Диего с двумя старыми друзьями, Гейлом Фоландом и Майком Хэммондом: оба они ветераны в деле содержания и воспитания человекообразных обезьян. Эта работа подходит далеко не каждому. Невозможно заниматься высшими обезьянами со всеми их потребностями и реакциями, не задействуя тот же самый эмоциональный источник, каким мы пользуемся при общении с близкими нам представителями человеческого рода. Смотрителям, которые не воспринимают обезьян всерьез, никогда не удастся поладить с ними, а те, кто относится к ним слишком серьезно, попадут в паутину интриг, провокаций и эмоционального шантажа, пронизывающую любую группу человекообразных обезьян.

Выбрав участок подальше от посетителей, мы стояли, облокотившись на перила, над просторным, заросшим травой вольером. В воздухе чувствовался особый едкий запах горилл. С утра пораньше Гейл привел в этот вольер пятилетнюю самку по имени Азизи, которую сам вырастил. Азизи оказалась в группе с новым самцом, Полом Донном, здоровенным типом, который сейчас сидел, прислонившись к стене. Иногда он пробегал по вольеру, колотя себя в грудь, чтобы произвести впечатление на группу самок, которыми правил – или, по крайней мере, хотел бы править. Самки горилл, особенно старшие, с этим были не согласны: иногда они собирались все вместе и гоняли Пола Донна по вольеру – чтобы «держать в узде», как говорит Гейл. Но в данный момент Пол Донн был спокоен, и мы видели, как Азизи придвигалась к нему все ближе и ближе. Самец делал вид, что не замечает этого, дипломатично рассматривая пальцы на собственных ногах и не глядя прямо на нервничающую девочку-гориллу. Всякий раз, придвигаясь чуть ближе, Азизи поднимала глаза на Гейла – своего приемного родителя. Она встречалась с ним взглядом – Гейл кивал и произносил что-нибудь вроде «давай, не бойся». Легко ему было так говорить! Пол Донн весил, пожалуй, раз в пять больше Азизи – и все это сплошные мускулы. Но Азизи неудержимо тянуло к нему.

Эти гориллы были известны своей смышленостью. Предполагается, что гориллы не используют орудия – в дикой природе они никогда этого не делают. Но три гориллы в зоопарке нашли новый способ добывать вкусные листья инжирных деревьев. Залезать на деревья им не давал провод под током, но они умудрились обойти преграду: подобрав одну из множества валяющихся вокруг веток, гориллы вставали на задние ноги и засовывали ветку в листву дерева. Обычно ветка возвращалась вместе с некоторым количеством листьев. Как-то раз одна из самок разломилась длинную палку на две части и использовала более подходящий кусок – это был важный шаг, поскольку он показал, что гориллы способны модифицировать свои орудия.

В тот день произошел инцидент все с той же проволокой под током. Эта сцена тут же захватила мое внимание. Старшая из местных самок научилась пролезать под проволокой, избегая удара током, и поедать траву, растущую за ограждением. Рядом с ней сидела новая самка, которую, по словам Гейла, совсем недавно первый раз ударило током. Для нее это был крайне неприятный опыт, она громко вопила и отчаянно трясла рукой. Новая самка подружилась со старшей и теперь сидела и наблюдала, как та совершает именно те действия, которые причинили ей самой такую боль. Едва увидев, что ее подруга лезет под проволоку, юная самка подскочила к ней, обняла, потянула, стараясь оттащить от электрического ограждения. Но старшая подруга и не думала уступать – вместо этого она продолжала протягивать руку под проволоку. Через некоторое время молодая самка отошла, крепко обхватила себя руками и стала пристально наблюдать за происходящим. Она как будто готовилась к удару, который, по ее представлению, непременно должна получить подруга, поистине «переносясь воображением на место страдающего».

Гориллы, как шимпанзе и бонобо, называются большими человекообразными обезьянами. Существует всего четыре вида больших человекообразных обезьян, четвертый – орангутан. Человекообразные обезьяны вообще – это крупные приматы, у которых нет хвоста. Оба признака определяют надсемейство, общее для людей и человекообразных обезьян, больших и малых (гиббоновых), называемое *Hominoidea* – *гоминоиды* – и отличное от *мартышкообразных*. Таким образом, человекообразных обезьян никогда не следует путать с другими обезьянами – мартышкообразными (нет лучшего способа оскорбить специалиста по гоминоидам, чем сказать, что вы обожаете его мартышек³); а «приматы» – это более широкое обозначение, которое применимо и к нам, людям. Среди человекообразных обезьян нашими ближайшими родственниками являются шимпанзе и бонобо, причем оба вида в равной степени близки к нам. Тем не менее это не мешает приматологам жарко дискутировать о том, какой из видов лучше подходит на роль модели предков человека. Мы все исходим от одного предка, и возможно, один вид сохранил больше его признаков, чем другой, что делает его более подходящим для изучения человеческой эволюции. Однако прямо сейчас невозможно определить, какой это вид. Неудивительно, что специалисты как по шимпанзе, так и по бонобо обычно голосуют каждый за своих подопечных.

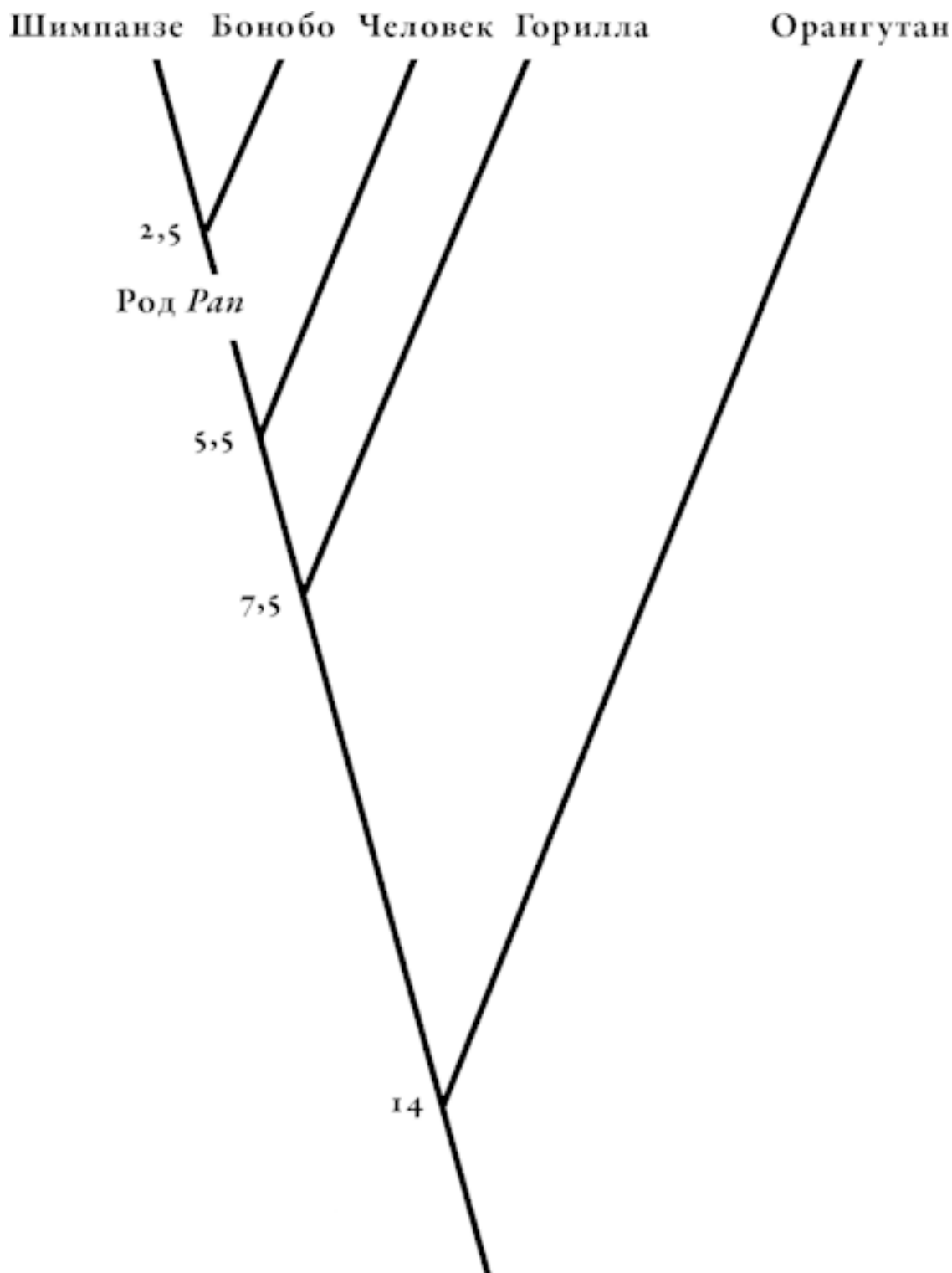
Поскольку гориллы отделились от нашей эволюционной ветви чуть раньше шимпанзе и бонобо, утверждается, что тот вид, который больше похож на горилл, заслуживает названия исходного. Но кто сказал, что сами гориллы похожи на нашего последнего общего предка? У них ведь тоже было предостаточно времени, чтобы измениться, – фактически, больше 7 млн лет. Мы вместо этого ищем человекообразную обезьяну, меньше всего изменившуюся с течением времени. Такаёси Кано, крупнейший эксперт по диким бонобо, заявлял, что, поскольку бонобо никогда не покидали влажных джунглей (в то время как шимпанзе сделали это частично, а наши предки – полностью), они, вероятно, сталкивались с меньшим давлением, побуждающим к изменениям, и потому могут оказаться больше прочих похожими на лесную человекообразную обезьяну, от которой мы все произошли. Американский анатом Гарольд Кулидж высказал известное предположение, что бонобо, «пожалуй, больше приближены к общему предку шимпанзе и человека, чем любой из ныне живущих шимпанзе».

Об их адаптации к жизни на деревьях свидетельствует то, как бонобо пользуются своим телом – по человеческим стандартам, весьма необычно. Ступни служат им руками: ими они хватают предметы, указывают во время общения и хлопают, чтобы привлечь внимание. Человекообразных обезьян иногда называют «четвероногими», но бонобо скорее следует назвать «четверорукими». Они лучшие гимнасты, чем любые другие человекообразные обезьяны: прыгают по деревьям, передвигаются по ветвям, раскачиваясь на руках (такой способ передвижения называется *брахиация*) с невероятной ловкостью и проворством. Бонобо легко проходят по канату на двух ногах, словно по твердой земле. Эти акробатические таланты весьма полезны для обезьян, которых никогда не выдавливали, пусть даже частично, из леса и поэтому им никогда не приходилось изменять своей привычке к жизни на деревьях. То, что бонобо более древесный вид, чем шимпанзе, становится ясно из сравнения реакций на первую встречу с учеными в дикой природе: шимпанзе тут же спрыгивают с дерева, на котором сидят, и удирают по земле. Бонобо же убегают по древесным кронам и на землю спускаются, только когда окажутся совсем далеко.

Я ожидаю, что чаша весов в дискуссии о том, какие из человекообразных обезьян больше похожи на последнего нашего общего предка, некоторое время будет склоняться то в одну, то в другую сторону, но на данный момент давайте просто скажем, что шимпанзе и бонобо в равной степени значимы для человеческой эволюции. Гориллы стоят особняком как от них обоих, так

³ В английском языке для человекообразных обезьян существует специальное слово – *apes*, а для всех других обезьян (в том числе и мартышковых) используется слово *monkeys* – обезьяны. – Прим. ред.

и от нас, из-за существенного полового диморфизма – различия в размерах между самцами и самками – и социального устройства, которое выглядит так: один самец монополично владеет гаремом самок. Для простоты я буду упоминать горилл только изредка, а мы в основном будем исследовать сходство и различия между бонобо, шимпанзе и людьми.

Эволюционное древо человека и четырех видов больших человекообразных обезьян, построенное на основе сравнительного анализа ДНК. Точки разветвлений показывают, сколько миллионов лет назад разделились виды. Шимпанзе и бонобо образуют один род: *Pan*. Человеческая линия отделилась от предка-*Pan* около 5,5 млн лет назад. Некоторые ученые даже полагают, что люди, шимпанзе и бонобо достаточно близки, чтобы их можно было считать одним родом: *Homo*. Поскольку ветви, ведущие к бонобо и шимпанзе, разделились примерно 2,5 млн лет назад, уже после того, как ответви-

Мы не стали ждать развития отношений между Азизи и Полом Донном. Несомненно, они рано или поздно вступят в контакт, но это может занять часы или даже дни. Смотрители понимали, что эти отношения навсегда изменят привычки Азизи: она уже больше никогда не будет той несамостоятельной малюткой-гориллой, которую Гейл кормил из бутылочки и носил на спине, пока она не стала слишком тяжелой. Ее новая судьба – жить в группе, вместе с крупным самцом ее вида и, возможно, выращивать потомство.

Мы прошли мимо бонобо, где Лоретта приветствовала меня пронзительным улюлюканьем. Хотя моя исследовательская работа в этом зоопарке закончилась почти 20 лет назад, Лоретта меня по-прежнему помнит и всегда узнает. Я не могу представить, как сумел бы забыть лицо, которое долгое время видел каждый день, – так почему у Лоретты должно быть иначе? И ее улюлюканье отличается от других. Крики бонобо узнаются безошибочно: самый простой способ различить шимпанзе и бонобо – это послушать их. Низкое «хуу-хуу», характерное для шимпанзе, у бонобо отсутствует. Голоса у бонобо настолько высокие (больше похожие на «хихихи»), что, когда зоопарк Хеллабрунн в Мюнхене получил первых бонобо, директор чуть не отправил их обратно. Он еще не успел заглянуть под ткань, накрывавшую ящики, прибывшие из Болобо, и не мог поверить, что доносящиеся оттуда звуки производят человекообразные обезьяны.

Лоретта, повернувшись спиной и наклонившись, продемонстрировала мне свои раздувшиеся, как воздушные шары, гениталии и призывно махнула рукой. Я помахал ей в ответ и спросил Майка об одном из самцов, которого нигде не было видно. Майк повел меня к ночным клеткам. Самец сидел внутри вместе с молодой самкой, составлявшей ему компанию. Самка явно раздражалась всякий раз, как Майк поворачивался ко мне во время разговора. Что этот незнакомец здесь делает и почему Майк не посвящает ей все свое внимание? Она попыталась вцепиться в меня через прутья клетки. Самец держался поодаль, но подставил Майку спину, а потом живот, чтобы тот мог его погладить, и при этом, как и многие самцы бонобо в таких случаях, демонстрируя впечатляющую эрекцию. Для бонобо, как самцов, так и самок, нет границы, отделяющей симпатию от сексуального интереса.

Майк объяснил, что этого самца приходится держать отдельно от группы из-за его низкого ранга. Хотя он уже совсем взрослый, от целой группы самок ему не защититься. Враждебность самок по отношению к самцам – это растущая проблема среди бонобо, содержащихся в зоопарках. В прошлом сотрудники зоопарков совершали грубейшую ошибку, перемещая самцов бонобо из одного места в другое. Если нужно было послать обезьян в другой зоопарк для размножения, выбирали всегда самцов. Хотя для большинства животных это вполне обычная практика, для самцов бонобо она оказалась катастрофой. В природе мигрируют как раз самки бонобо, покидая свою родную группу в период полового созревания. Самцы остаются, наслаждаясь компанией и защитой матерей. Самцы с влиятельными матерями поднимаются в иерархии, к ним относятся терпимей, подпуская к пище. Зоопарки на горьком опыте узнали, что нужно придерживаться именно такой системы. Самцы бонобо – настоящие маменькины сынки и лучше всего живут в группах, в которых родились. К сожалению, этого самца привезли в зоопарк из другого места.

Так что агрессия среди бонобо все же существует. Когда самки нападают, дело, как правило, кончается плохо. Из визжащего клубка мохнатых тел израненным вылезает неизменно самец. И хотя бонобо можно считать великими миротворцами, это умение далось им не просто так: они вовсе не избегают драки. Бонобо являются наглядным примером общественной гармонии именно потому, что внутренняя напряженность у них всегда на виду. Этот парадокс применим и к нам. Окончательной проверкой для корабля считается то, как он выдержит шторм, так же и мы полностью доверяем только тем отношениям, которые смогли пережить временный конфликт.

Понаблюдав за еще несколькими сексуальными сношениями между бонобо, Майк не смог удержаться, чтобы не рассказать о недавнем заявлении местного исследователя, что бонобо в зоопарке редко занимаются сексом – пожалуй, не чаще пары-тройки раз в год. Неужели бонобо не заслуживают своей репутации по части секса? Снова оказавшись среди посетителей, мы шутили, что сегодня насчитали уже шесть половых контактов всего за два часа, а значит, получили данные примерно как за два года наблюдений. На секунду я забыл, что на Майке и Гейле служебная униформа, и поэтому все вокруг к нам прислушивались. Чуть повысив голос, я похвастался своей предыдущей работой: «Когда я был здесь, у меня было 700 совокуплений за одну зиму». Стоящий рядом человек схватил маленькую дочь за руку и поспешил прочь.

Иногда секс у бонобо не так очевиден. Одна юная самка попыталась пробраться мимо еще более юного самца, который загораживал ей проход по ветке. Самцу не удалось отодвинуться с дороги, – возможно, он боялся упасть – и тогда самка запустила зубы в руку, которой тот держался за ветку, из-за чего ситуация только ухудшилась. Но вместо того, чтобы ломиться силой, она повернулась задом и начала тереться клитором о его руку. Оба они неполовозрелые, но таков способ бонобо решать конфликты – тактика, появляющаяся в довольно ранний период жизни. После такого контакта самка спокойно перелезла через самца и продолжила свой путь по ветке.

По возвращении домой из Сан-Диего меня сразу же поразил контраст бонобо с шимпанзе. Я работаю примерно с четырьмя десятками шимпанзе в открытом вольере на полевой станции Национального центра изучения приматов имени Роберта Йеркса, неподалеку от Атланты. Я знаком с этими обезьянами уже долгое время и воспринимаю их как отдельных личностей. Они точно так же хорошо знают меня и выражают это признание единственным способом, желанным для любого исследователя: относятся ко мне как к мебели. Я подошел к ограде поздороваться с Тарой, маленькой трехлетней дочерью Риты, – мать сидела высоко на специальной конструкции для лазанья. Рита бросила на нас короткий взгляд, а затем возвратилась к вычесыванию собственной матери, Тариной бабушки. Если бы мимо прошел какой-нибудь незнакомец, Рита, всегда старательно опекающая свою дочь, тут же соскочила бы, чтобы ее подхватить. Я почитаю за честь такое отсутствие интереса к моей особе.

Я заметил глубокую свежую рану на верхней губе Соко, второго по рангу самца. Только один шимпанзе смог бы сделать это: альфа-самец Бьорн. Бьорн мельче Соко, но чрезвычайно умен, легко возбудим и коварен. Он держит других обезьян под контролем при помощи грязных приемов во время драки. К такому выводу мы пришли, много лет наблюдая за техникой боя этого самца и видя шрамы, которые он оставляет на телах своих жертв в необычных местах: например, на животе или мошонке. Соко – здоровенный неуклюжий «шкаф» – не может с ним состязаться и потому вынужден жить под пятой у этого мелкого диктатора. Но, к счастью для Соко, его подрастающий младший брат, у которого как раз наблюдался последний скачок роста, всегда с удовольствием околачивается неподалеку. Бьорну это сулит большие проблемы в самом скором времени.

Здесь, на полевой станции Центра Йеркса, мы живем в самой гуще политической борьбы самцов – нескончаемой саги сообщества шимпанзе. В конечном итоге все эти битвы ведутся за самок – то есть фундаментальное различие между двумя нашими ближайшими родственниками заключается в том, что одни решают проблемы секса с помощью власти, другие – проблемы власти через секс.

Тонкий налет цивилизации

Когда я открыл газету в самолете, летящем из Чикаго в Чарльстон (Южная Кэролина), мой взгляд первым делом привлек заголовок «“Лили” вот-вот обрушится на Чарльстон». Это меня расстроило, поскольку «Лили» – мощный ураган, а у всех в памяти были еще свежи разрушения, оставшиеся после «Хьюго» в прошлом году. Однако «Лили», к счастью, обошла Чарльстон стороной, но в итоге я все же попал в бурю, но чисто академическую.

Конференция, на которую я прилетел, была посвящена проблемам мира и мирным человеческим отношениям. Я ехал туда, чтобы представить свою работу о разрешении конфликтов у приматов. Всегда интересно размышлять, почему определенных людей тянет к той или иной конкретной теме, но отчего-то мирные отношения как область исследований обычно привлекают немало горячих и вспыльчивых участников. На заседании двое выдающихся борцов за мир принялись перекрикивать друг друга – первый выступавший сослался на исследования об эскимосах, а второй обвинил его в колониалистском, если не расистском подходе, поскольку этих людей следует называть инуитами. Судя по книге американского антрополога Джин Бриггс «Никогда не злись» (Never in Anger), инуиты идут на все, чтобы избежать взаимодействий, хотя бы отдаленно напоминающих враждебные. Любой, кто повышает голос, рискует быть изгнанным, что в их условиях жизни является смертельно опасным наказанием.

Некоторых из присутствовавших на той конференции уж точно выставили бы на мороз. Мы – западные люди, и в нашем культурном коде не прошито избегание конфронтации. Я уже мысленно представлял газетные заголовки примерно такого содержания: «Конференция, посвященная миру на Земле, закончилась потасовкой». Это единственное научное мероприятие, на котором я видел взрослых мужчин, которые покидали зал, хлопнув дверью, словно маленькие дети. И посреди всей этой пафосной перепалки, сопровождаемой демонстративными выходками, некоторые участники, нахмутив высокоученые лбы, еще могли сомневаться, можно ли, на самом деле, сравнивать поведение людей и человекообразных обезьян.

С другой стороны, я посещал много встреч участников клуба «Агрессия» – группы ученых в Нидерландах, и они всегда проходили цивилизованно и спокойно. Я в то время был еще студентом-магистрантом, но мне позволили присоединиться к психиатрам, криминологам, психологам и этологам, регулярно собиравшимся вместе и обсуждавшим агрессию и насилие. В те дни эволюционные представления неизбежно вращались вокруг агрессивности, как будто у нашего вида нет других наклонностей, о которых можно поговорить. Это походило на дискуссии о питбулях, где основной темой всегда является опасность, которую представляют эти собаки. Однако человека все же кое-что отличает от питбуля: нас не выводили специально для того, чтобы сражаться. Сила сжатия челюстей у нас ничтожна, и наш мозг, конечно, не нуждался бы в таких размерах, если бы единственной отличительной чертой, которая имела значение, была способность убивать других. Но в послевоенный период человеческая агрессивность занимала центральное место во всех дебатах.

Вторая мировая война с ее газовыми камерами, массовыми расстрелами и намеренным уничтожением населения была худшим проявлением человеческого поведения. Более того, когда западный мир подвел итоги после того, как осела пыль, стало невозможно игнорировать жестокости, которые творили в сердце Европы цивилизованные во всех прочих отношениях люди. Сравнения с животными звучали повсюду. Утверждалось, что у животных нет внутренних ограничений. У них отсутствует культура, так что наверняка все дело в том, что некое звериное начало, заложенное в нас генетически, прорвалось сквозь тонкий налет цивилизации и отбросило в сторону всю человеческую порядочность и нравственность.

«Теория тонкого налета цивилизации», как я ее называю, стала доминирующей темой в послевоенных дискуссиях. Утверждалось, что глубоко внутри мы, люди, аморальны и жестоки;

появился целый ряд популярных книг, в которых рассматривался этот вопрос и высказывалось предположение, что в нас есть неудержимое стремление к агрессии – «агрессивный драйв», который ищет выхода в войне, насилии и даже спорте. Другая теория гласила, что наша агрессивность – нечто новое, что мы единственные приматы, убивающие сородичей. У нашего вида не было времени развить соответствующие механизмы сдерживания. В результате мы не способны контролировать свой бойцовский инстинкт, как «профессиональные хищники» вроде волков или львов. Мы ничего не можем сделать с нашей склонностью к насилию, так как плохо приспособлены, чтобы ее обуздать.

Несложно увидеть здесь зарождение рационального оправдания человеческой жестокости в целом и холокоста в частности – и ситуацию уж точно не улучшало то, что голос передовой науки того времени говорил на немецком языке. Конрад Лоренц, всемирно известный австрийский специалист по рыбам и гусям, был страстным защитником идеи, что агрессия заложена в наших генах. Убийство стало каиновой печатью человечества.

По другую сторону Атлантики похожие взгляды продвигал Роберт Ардри, американский журналист, вдохновленный предположениями, что *австралопитек* наверняка был хищником, который пожирал свою добычу живьем, расчленял ее кусок за куском и утолял жажду теплой кровью. Основанный на анализе нескольких костей черепа, этот вывод был ложным, однако Ардри выстроил на нем миф об обезьяне-убийце. В своем труде «Африканское происхождение» (*African Genesis*) он изобразил нашего предка психически неуравновешенным хищником, нарушающим хрупкое равновесие природы. Как говорится в демагогическом творении Ардри, «мы родились от возвысившихся обезьян, а не от падших ангелов, причем эти обезьяны были хорошо вооруженными убийцами. Так чему же удивляться? Чинимым нами убийствам и массовым побоищам, ракетам и войнам, которые ведут непримиримые противники?».

Трудно поверить, но следующей волне поп-биологии удалось превзойти даже это. В то же самое время, когда Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер проповедовали, что жадность хороша для общества, хороша для экономики и уж точно хороша для тех, кто жаждет что-либо заполучить, биологи публиковали книги, поддерживающие эти взгляды. Книга Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (*The Selfish Gene*)⁴ учила нас, что, поскольку эволюция помогает тем, кто помогает себе сам, эгоизм следует воспринимать как движущую силу изменений, а не разрушительный для нас самих порок. Может быть, мы и злобные обезьяны, но это целесообразно и весь мир от этого только выигрывает.

Однако оставалась небольшая проблема – на нее тщетно указывали зануды-критиканы, – а именно некорректный и вводящий в заблуждение язык книг подобного жанра. Гены, приводящие к формированию успешных признаков, распространяются в популяции и таким образом сами себя продвигают и наращивают свое количество. Но называть это «эгоистичным» не более чем метафора. Снежный ком, катящийся с горы, тоже сам себя наращивает и продвигает, но мы обычно не называем его эгоистичным. Доведенная до абсурда позиция «все есть эгоизм» ведет нас в кошмарный мир. Обладая превосходным чутьем на эпатаж, эти авторы затаскивают нас на гоббсовскую арену, где каждый человек существует сам по себе и для себя, где люди проявляют благородство только для того, чтобы обмануть других. О любви никто и слыхом не слыхивал, сочувствие отсутствует, а добродетель всего лишь иллюзия. Все это отражено в самой известной цитате того времени, принадлежащей биологу Майклу Гизелину: «Поскребите альтруиста – и увидите кровь лицемера».

Стоит только порадоваться, что такое мрачное и неприветливое место – чистая выдумка, что оно радикально отличается от реального мира, где мы смеемся, плачем, занимаемся любовью и обожаем малышей. Авторы сей выдумки понимают это и иногда по секрету признаются, что человеческая натура не так плоха, как выглядит в их описаниях. Хороший пример тому –

⁴ Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. 512 с.

«Эгоистичный ген». На протяжении всей книги утверждая, что наши гены знают, как лучше для нас, что они программируют каждое колесико человеческой машины выживания, Докинз выжидает до самого последнего предложения, чтобы нас обнадежить, утверждая, что на самом деле мы можем с легкостью выбросить все эти гены в окно: «Мы – единственные существа на планете, способные восстать против тирании эгоистичных репликаторов».

Таким образом, в конце XX в. подчеркивалась необходимость для нас возвыситься над природой. Эта позиция подается как дарвиновская, хотя сам Дарвин не имеет к ней никакого отношения. Дарвин, как и я, считал, что наша человечность коренится в общественных инстинктах, общих у нас с другими животными. Это явно более оптимистичный подход, чем утверждение, что мы «единственные существа на планете», кто может превозмочь свои базовые инстинкты. Согласно этому последнему представлению человеческая порядочность и мораль не более чем тонкая корочка: то, что мы создали, а не унаследовали. И всякий раз, как мы делаем что-нибудь не слишком достойное, сторонники «теории тонкого налета цивилизации» напоминают нам об отвратительной внутренней сущности, скрытой под этим налетом: «Видите, такова человеческая натура!»

Наш дьявольский лик

В сцене, с которой начинается фильм Стэнли Кубрика «Космическая одиссея 2001 года», в одном блестящем образе заключается идея, что насилие – это хорошо. После того как между гоминидами вспыхивает драка, во время которой один колотит другого бедренной костью зебры, оружие триумфально взлетает в воздух, где спустя тысячи лет превращается в орбитальный космический корабль.

Приравнивание агрессии к прогрессу лежит в основе так называемой гипотезы «африканского происхождения человека», постулирующей, что мы достигли нашего нынешнего положения посредством геноцида. Когда группы *Homo sapiens* мигрировали из Африки, то продвигались вглубь Евразии, убивая всех прочих двуногих обезьян, с которыми сталкивались, включая вид, наиболее похожий на них самих, – неандертальцев. Наша кровожадность – центральный элемент книг с названиями вроде «Мужчина-охотник» (Man the Hunter), «Демонические самцы» (Demonic Males), «Царственное животное» (The Imperial Animal), «Темная сторона мужчины» (The Dark Side of Man), большинство из которых в качестве модели нашего предка берут шимпанзе, точнее – самца шимпанзе. Подобно сногшибательным красоткам в ранних фильмах о Джеймсе Бонде, самки – это то, за что сражаются самцы, однако они не играют почти никакой роли в истории, выполняя лишь функции подружки или матери. Принятием решений и борьбой занимаются только самцы – и подразумевается, что они же движут эволюцию.

Но хотя шимпанзе стали воплощением дьявольского лика нашей головы Януса, так было не всегда. В то же время, когда Лоренц и Ардри заостряли внимание на нашей каиновой печати, дикие шимпанзе, по всей видимости, занимались в основном тем, что лениво перемещались от дерева к дереву и собирали плоды. Противники представления об «обезьянах-убийцах» – а их было предостаточно – использовали эту информацию в выгодном для себя свете. Они вольно цитировали Джейн Гудолл, которая в 1960 г. начала работу в местности Гомбе-Стрим в Танзании⁵. В тот период Гудолл еще представляла шимпанзе такими благородными дикарями в стиле французского философа Жан-Жака Руссо: самодостаточными одиночками, не испытывающими нужды в общении или конкуренции с другими. Шимпанзе бродили в джунглях поодиночке или небольшими «партиями», все время менявшими состав. Единственными постоянными связями были отношения между матерью и зависящим от нее детенышем. Неудивительно, что люди считали, будто шимпанзе живут в раю.

Первые коррективы в эти представления внесли в 1970-е японские ученые, изучавшие шимпанзе чуть южнее Гомбе, в Махали-Маунтинс. У них появились серьезные сомнения по поводу «индивидуалистического крена» американских и европейских исследователей. Как могут столь близкие к нам животные не иметь общества, достойного упоминания? Японские ученые обнаружили, что хотя шимпанзе каждый день «тусуются» с разными сородичами, все они являются членами одного сообщества, отдельного от других групп.

Затем была пересмотрена репутация диких шимпанзе как мирных животных, которую некоторые антропологи использовали в качестве аргумента против утверждения о врожденной агрессивности человеческой природы. Появились две группы реальных фактов. Во-первых, мы узнали о том, что шимпанзе охотятся на мартышек, пробивают им черепа и поедают заживо. В результате шимпанзе перевели в ранг хищников. Затем, в 1979 г., на роскошных страницах *National Geographic* нам поведали, что эти обезьяны также убивают друг друга, иногда пожирая своих жертв. Это превратило шимпанзе сразу и в убийц, и в каннибалов. В репортаже описывалось, как самцы шимпанзе крадутся к ничего не подозревающим врагам через границу

⁵ Позже там был образован Национальный парк Гомбе-Стрим. – Прим. ред.

их территории и жестоко избивают несчастных до смерти. Поначалу такие новости исходили только из пары-тройки источников, но вскоре тонкая струйка данных превратилась в постоянный поток, игнорировать который уже было невозможно.

Складывающаяся картина стала неотличима от «обезьяны-убийцы» по Роберту Ардри. Теперь мы знали, что шимпанзе охотятся, чтобы убивать, и живут в группах, воюющих друг с другом. В более поздней книге Джейн Гудолл рассказывает, как она сообщила эти новости группе ученых, часть которых питала надежды на изживание человеческой агрессивности посредством образования и улучшения качества телепередач. Ее заявление о том, что мы не единственные агрессивные приматы, никого не обрадовало: шокированные коллеги умоляли ее не заострять внимание на этих данных или даже вовсе не публиковать их. Другие решили, что лагерь в Гомбе-Стрим, где исследователи раздавали обезьянам бананы – непривычную для них, высокопитательную пищу, – сам стал причиной патологического уровня агрессии. Конкуренция действительно была обнаружена вблизи лагеря и тщательно задокументирована, но наиболее серьезные драки происходили далеко от него. Гудолл не пошла на поводу у критиков, заявив следующее: «Разумеется, я была убеждена, что лучше принять факты, пусть непривычные и неприятные, чем жить в состоянии отрицания».

Критика «бананового клуба» Джейн Гудолл была абсолютно необоснованной: теперь известно, что войны шимпанзе происходят и в тех местах Африки, где не раздавали дополнительную пищу. Простая истина заключается в том, что жестокость и насилие – часть природного характера шимпанзе. Они *необязательно* демонстрируют эти качества – некоторые сообщества шимпанзе на самом деле выглядят вполне мирными, – но могут делать это и зачастую делают. С одной стороны, это подкрепляет теорию «обезьян-убийц», но также и подрывает ее. По утверждениям Лоренца и Ардри, людей выделяют среди прочих животных насильственные действия со смертельным исходом. Тем не менее с тех пор наблюдения не только за шимпанзе, но и за гиенами, львами, лангурами и еще многими другими животными наглядно показали, что убийства сородичей, пусть и нечастые, в действительности широко распространены. Социобиолог Эд Уилсон пришел к выводу, что если ученые понаблюдают за каким-либо животным дольше тысячи часов, то непременно увидят смертельную битву. Он утверждал это как специалист по муравьям – группе насекомых, нападающих и убивающих в огромных масштабах. По словам Уилсона, «в сравнении с муравьями, для которых убийства, стычки и настоящие войны – обычное дело, люди выглядят едва ли не абсолютными пацифистами»⁶.

С открытием темной стороны шимпанзе – прощай, «потерянный рай» естественного состояния – Руссо вышел за дверь, и в нее вошел Гоббс. Насилие среди обезьян уж точно означало, что мы запрограммированы быть жестокими. Вкупе с заявлениями эволюционных биологов о том, что мы эгоистичны на генетическом уровне, все встало на свои места. Теперь сложилось последовательное и неопровержимое представление о человечестве. Посмотрите на шимпанзе, аргументировали сторонники этой гипотезы, и вы увидите, какие мы на самом деле чудовища.

Шимпанзе, таким образом, укрепили идею порочности человеческой природы, хотя они же без особых трудностей могли ее и опровергнуть. В конце концов, насилие среди шимпанзе случается вовсе не каждый день: ученым потребовались десятилетия, чтобы его обнаружить. Сама Гудолл, огорченная однобокой трактовкой своих открытий, предпринимала героические усилия, чтобы осветить более добрую сторону шимпанзе, даже свойственное им соперничество – но все без толку. Наука твердо решила: один раз убийца – всегда убийца.

Возможно, шимпанзе и жестоки, но в то же время в их группах существуют мощные регуляторы насилия. Мне это стало ясно в один прекрасный день в зоопарке Бюргерса в Арнеме (Нидерланды), когда мы стояли, чуть не кусая ногти от дурных предчувствий, на краю рва,

⁶ Цит. по: Уилсон Э. О природе человека. – М.: Кучково поле, 2015.

окружающего лесистый остров. Мы беспокоились за крошечную новорожденную шимпанзе, названную Розье – в переводе с нидерландского это значит «маленькая розочка». Ее удочерила самка по имени Кёйф. Собственного молока у нее не было, поэтому ее научили кормить Розье из бутылочки. План сработал, как мы и мечтать не могли. То, что человекообразная обезьяна справилась с этой несложной задачей, стало для нас гигантским успехом – по крайней мере в нашем представлении. Но теперь мы возвращали мать с маленькой дочерью в крупнейшую в мире колонию шимпанзе, включавшую четверых опасных взрослых самцов. Чтобы припугнуть своих соперников, самцы обычно носятся, вздыбив шерсть, и таким образом выглядят более крупными и грозными. К несчастью, именно в этом состоянии сейчас пребывал Никки – бесстрашный лидер колонии.

У самцов шимпанзе буйный нрав, и они настолько сильны, что легко могут побороть человека – когда они злятся, контролировать их невозможно. Итак, судьба Розье теперь была в обезьяньих руках. Утром мы провели Кёйф мимо всех ночных клеток, чтобы проверить реакцию группы. Все обезьяны знали Кёйф, но Розье была новенькой. Когда Кёйф проходила мимо клетки самцов, кое-что привлекло мое внимание. Никки попытался ухватить ее снизу сквозь прутья за ноги, заставив отпрыгнуть и резко вскрикнуть. Мне показалось, он целился туда, где за живот Кёйф цеплялась Розье. Поскольку так себя повел только Никки, я решил выводить группу постепенно, поставив Никки в невыгодное положение и выпустив его последним. Главное, чего следовало избегать, – чтобы Кёйф не оказалась с ним наедине. Я рассчитывал на ее защитников из группы.

В дикой природе шимпанзе иногда убивают детенышей собственного вида. Некоторые биологи предполагают, что такие случаи инфантицида происходят из-за конкуренции самцов за оплодотворение самок, что объясняло бы и их постоянную борьбу за положение в группе, и убийство детенышей, отцами которых они не являются. Никки, скорее всего, воспринял Розье как такого чужого ребенка. Это нас едва ли могло обнадежить, поскольку означало, что мы можем стать свидетелями одной из жутких сцен детоубийства, известных по полевым исследованиям: Розье могли разорвать на кусочки. Поскольку я неделями таскал малышку на руках, помогал Кёйф ее кормить и кормил сам, то мне с трудом давалась роль бесстрастного наблюдателя, которым я обычно стремлюсь быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.